

7. Narbut V. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow, Sovremennik publ., 1990, pp. 15–16, 94.
8. Narbut V., Zenkevich M., Kotova M., Zenkevich S., Lekmanov O. *Stat'i. Recenzii. Pis'ma* [Articles. Reviews. Letters]. Moscow, IMLI RAN publ., 2008, p. 5.
9. Alekseev P. V., Panin A. V. *Hrestomatija po filosofii* [Readings in philosophy]. 2nd izd., ed. Moscow, VITRJeM publ., 2002, 576 p.
10. Chesnjalis P. A. *Jestetika i pojetika adamizma v rannej lirike V. Narbuta i M. Zenkevicha* [Aesthetics and poetics of adamism in the early lyrics of V. Narbut and M. Zenkevich]. Novosibirsk, 2015, 39 p.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ЖИТИЙНОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX в.

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: dmitriybychkov@mail.ru.

В статье обосновывается понятие «агиографический дискурс», характеризующее своеобразие многих художественных произведений русской прозы конца XX в. Освещаются дискуссионные вопросы теории и истории современной литературы: когнитивно-дискурсивные принципы модификации житейного предтекста, дискурсивные свойства «агиоромана» как самостоятельной жанровой разновидности. Анализ полифункциональности структурных, жанрово-стилевых особенностей в художественно-публицистической дискурсивной репрезентации позволяет увидеть в данной структуре один из путей обогащения древнерусского сочинения новыми эстетическими возможностями, создания нового жанрового синтеза, в процессе которого актуализируется житейная традиция.

Ключевые слова: дискурс, агиография, предтекст, модификация, жанр, публицистика, реципиент

PUBLICISTIC BEGINNING IN ZHITIYNY PROSE OF THE END OF THE XX CENTURY

Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Technical University, 414052, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev st., e-mail: dmitriybychkov@mail.ru.

The concept “hagiographical discourse” is characterized manyart works of the Russian prose of the end XX century in article. The questions of the history theory and modern literature are described, namely, cognitive discursive principles of modification of the zhitiyny pretext, discourse of agioroman as independent genre version. The analysis of polyfunctionality structural, genre and style features in the art-publicistic discursive representation allows to see in this structure one of ways of enrichment the Old Russian composition with new esthetic opportunities, creations of new genre synthesis, in the course of which the zhitiyny tradition is revived.

Keywords: discourse, hagiography, pretext, modification, genre, journalism, recipient

Агиографический дискурс – это художественная речь в смысловом поле агиографии. Понятие агиографического дискурса может показаться несостоятельным, поскольку термин «дискурс», понимаемый как речь, «погруженная в жизнь», в отличие от «текста», обычно не относится к текстам жанра канонического характера, связи которых с реальной действительностью не восстанавливаются современным реципиентом адекватно и непосредственно. На

новейшем этапе литературного развития многие отечественные писатели пытаются заново выстроить агиографический дискурс общения с читателями. При этом принципы этой дискурсии, безусловно, отличаются специфичностью [4, с. 6].

В процессе анализа подобного типа исторических произведений для исследователя становится очевидным, что функциональные особенности агиографического дискурса непосредственно связаны с историософскими интенциями автора, который стремится осознать «русскую идею», понять национально-аксиологические феномены «Святая Русь», «праведник», «житие», «духовный подвиг» и др. Вместе с тем авторские историософские концепции, дискуссионные для конца эпохи XX в. (не всегда стройные и строго научные), отличаются публицистичностью: исторические события и главные действующие лица русской истории трактуются отечественными писателями в свете актуальных проблем нашего общества.

Обобщающие выводы авторы переложений житийных предтекстов обосновывают в процессе реинтерпретации агиографического канона, ориентируясь на индивидуальное их прочтение, ретранслируют содержание предтекста, адресуя его современнику. Это, очевидно, сложная для современного автора когнитивно-дискурсивная задача.

Центральным персонажем «переписываемого / перечитываемого» жития является святой, ментальное пространство которого отличается от новейшего времени. Кроме этого, историософия в российской культуре XIX–XX вв. коррелирует с общими размышлениями на религиозные темы, волнующие не одно поколение интеллектуалов [3]. Поэтому современный писатель должен обнаружить собственную религиозную позицию. Историософские воззрения писателя выходят за рамки догматического вероучения Русской Православной Церкви. Это обстоятельство придает особую тональность дискурсу исторического романа «Похвала Сергию» Д. Балашова, очерку Ю. Лощица «На полях жития», миниатюре Ю. Куранова «Сергий Радонежский».

В процессе познавательного и творческого освоения житийной традиции российские писатели в 1980–1990-е гг. решают комплекс проблем: «Психология святого», «Святой и власть», «Повседневный быт святого», «Эстетические воззрения святого» и т.п. В авторской рефлексии при «реставрации» древнерусского жанра заметна тенденция к «осовремениванию» житийных предтекстов, наполнении «неоагиографии» публицистическим содержанием в процессе дискурсивной реализации творческого замысла.

Подобные реалистичные описания, основанные на императивных конструкциях, не имеют ничего общего с каноном жития, однако, не представляются лишними в произведении художественно-публицистического жанра, привносят новое впечатление в сложившееся читательское представление о ежедневной монастырской жизни святого подвижника. Так, агиографический дискурс приобретает характеристики, казалось бы, не свойственные его природе.

В авторских отступлениях от житийного переложения реализуется репортажный (связанный с созданием наглядно-образного ряда) жанровый принцип. Применение как художественного, так и документально-фактологического методов в создании произведения очеркового плана в творческом воплощении у Ю. Лощица сказывается в различных пропорциях этих начал. Развернутость репортажного плана, обоснованная преобладанием художественного приоритета в методе писателя (в некоторых главах очерка), реализуется в утверждении параллельного «сюжета об авторе», данного в сопоставлении с сюжетной линией излагающегося жития. Минимизированные в канонической древнерусской агиографии (вплоть до фигуры самоуничтожения и анонимности сочинения), в современных опытах художественного пересказа эти сведения об авторе создают фон для успешной ре-

лизации агиографического дискурса. В этом плане содержания и проявляется биографизм как свойство подобного типа дискурса.

Две намеченных линии попеременно смыкаются на некоторых участках текста. Такие повествовательные ситуации связаны, как правило, с автобиографическим планом наррации, например, в рассказе о посещении мест жизни святого. В очерке Ю. Лощица, таким образом, удостоверяется общность художественных пространств прецедентного и авторского текстов, отдаленных друг от друга во времени: «Мы будто не отлучились от его [Сергиева] века...» [7, с. 106].

В ходе совмещения репортажного и исследовательского начал в авторском методе создается своеобразная, «художественно-теоретическая», концепция отображаемого. В рамках творческой реализации этой концепции собираются и перерабатываются эмпирические факты, схематически отраженные в житийном предтексте.

Качество топоса, устанавливающего контакт между автором и читателем в разворачивающемся художественно-публицистическом дискурсе, оказываются сознательно наделены: 1) житийный предтекст (связывающий, соответственно, тематические центры отдаленных друг от друга текстов); 2) реальная общность пространства, которое в нём описано (ростовские земли и вырастающий из образа быта образ России); 3) разнообразные сферы деятельности святого, о которых имеет представление читатель и в призме которых воспринимает образ подвижника (огородничество, плотничество, художество, государственно важные деяния и др.). Установленные уровни формируют особый тип субъекта речи, который, становясь предметом саморефлексии, остаётся при этом конгломератом разнообразных видов сознания – религиозного, философского, социально-политического, национального и др.

В художественной регенерации агиографии сказывается читательский опыт писателя, и проявляются научные и публицистические интенции профессионального историка и писателя, испытывающего интерес к русской агиографии. По воспоминаниям многих мемуаристов, житийные сочинения входили в круг постоянного чтения писателя [7], однако используются житийные источники в его романе в художественной функции и в трансформированной форме. Тем самым писатель воспринимает не только референтный уровень агиографии и пользуется предтекстом как языком общения в коммуникации с читателем посредством «вторичного» дискурса, автокоммуникации.

Качество читательской и художественной рецепции агиографии у Д.М. Балашова определяется фундаментальностью и широтой круга чтения, личностно-ориентированным и со-временным восприятием древнерусской учительной и философской литературы, а также креативностью мышления. «Со-временность» – принцип хронотопа исторического романа, раскрыть художественное значение которого способен выразить агиографический дискурс «Похвалы Сергию».

Роман «Похвала Сергию» – дискурсивное поле воплощения в некотором роде синтеза творческой деятельности автора-агиографа и историка, отличающегося концептуальностью мышления. В этой связи роман представляет собой более сложную (в сравнении, например, с очерком Ю. Лощица «На полях жития») структуру на метаповествовательном уровне комментирующего характера, но и включающую на метатекстуальном срезе авторскую рефлексия, предметом которой становится история, теософия, философия, политика и т.п. Проявление метатекстуальности выражается в прямом слове автора и часто несет в себе публицистический заряд и научные взгляды.

Однако, историческое познание в обусловленных жанром границах агиографического дискурса подчас представляет собой самосознание автора: изучая историю отдаленной во времени эпохи, историк не может не сопоставлять ее со своим временем. Сравнивая современную эпоху с давно

ушедшей, есть риск применить к иному времени наши собственные мерки. Следствия подобного риска естественны для каждого исторического романа, в том числе – для творчества Д. Балашова. В повествовании его романов, рассказов и статей о Сергии Радонежском проступают наблюдения писателя-историка над современностью, размышления обобщающего, публицистического, философского характера.

Публицистическая трактовка исторических событий последнего времени образует особый контекст рецепции агиографии и влияет на восприятие и художественное воспроизведение агиографической картины мира. «Сейчас, когда в стране всеобщий развал и разброд <...> вновь встает все тот же клятый вопрос о личности и толпе, вождях и массе, водителях и ведомых, так и не разрешенный дондесь историками» [1, с. 281].

Кроме функции катализатора исторической и социально-культурной информации в концепции агиографического жанра Д. Балашова житийный текст становится объектом историософских размышлений, что также связано со спецификой авторской рецепции. Агиографический памятник включается в контекст исторических реалий (отсюда – бытовые детали, диалектизмы) и нашей современности (публицистические высказывания в тексте), позволяет автору-историку выявить константы русской культуры, исторические принципы национального бытия [6].

«Феноменологическое» изучение стиля как совокупности систем соотношения словесного материала [5, с. 232] возможно в случае с исторической прозой Д.М. Балашова (основывающейся на «производном» дискурсе) при учете того, что стилевая система автора возникает на «производной» основе агиографии путем органического синтеза со сторонними художественными воздействиями, и при этом стиль исторического романа разрушает некоторые стилевые нормативы, обнаруживая противоречивые эстетические устремления [2]. С одной стороны, автор стремится к стилизации и достигает в этом определенного мастерства и органичности повествования для создания картины мира эпохи, с другой – в тексте проступают «инонарративные» элементы, например, публицистические.

Список литературы

1. Балашов Д. М. Похвала Сергию: исторический роман / Д. М. Балашов. – М. : АСТ, Астрель, Хранитель, 2007. – 842 с.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 447–483.
3. Блехер Л. И. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализации и Нового Средневековья / Л. И. Блехер, Г. Ю. Любарский. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 608 с.
4. Бычков Д. М. Агиографический дискурс в современной русской прозе : монография / Д. М. Бычков. – Астрахань : АГУ, 2015. – 199 с.
5. Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1976. – 512 с.
6. Лихачёв Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв ; отв. ред. С. О. Шмидт ; сост. А. В. Топычканов. – М. : Русский путь, 2004. – 340 с.
7. Лощиц Ю. На полях жития / Ю. Лощиц // Русский рубеж: По страницам «Литературной России»: рассказы, стихотворения, статьи / сост. Г. Иванова. – М. : Художественная литература, 1991. – С. 102–115.

References

1. Balashov D. M. *Pohvala Sergiju: istoricheskij roman* [Praise Sergius: a historical novel]. Moscow, AST publ., Astrel' publ., Hranitel' publ., 2007, 842 p.
2. Bahtin M. M. *Jepos i roman (O metodologii issledovanija romana)* [Epic and novel (About the methodology of the novel)]. *Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let* [Questions of literature and aesthetics. Research of different years]. Moscow, Hudozhestvennaja literature publ., 1975, pp. 447–483.
3. Bleher L. I., Ljubarskij G. Ju. *Glavnyj russkij spor: ot zapadnikov i slavjanofilov do globalizacii i Novogo Srednevekov'ja* [The main Russian dispute: from Westerners and Slavophiles to globalization and the new middle Ages]. Moscow, Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie» publ., 2003, 608 p.
4. Bychkov D. M. *Agiograficheskij diskurs v sovremennoj russoj proze* [Hagiographic discourse in modern Russian prose]. Astrakhan, AGU publ., 2015, 199 p.
5. Vinogradov V. V. *Pojetika russoj literatury. Izbrannye trudy* [The poetics of Russian literature. Selected works]. Moscow, Nauka publ., 1976, 512 p.
6. Lihachjov D. S., Topychkanov A. V. *Vvedenie k chteniju pamjatnikov drevnerussoj literatury* [Introduction to the reading of monuments of old Russian literature]. Ed. by S.O. Shmidt. Moscow, Russkij put' publ., 2004, 340 p.
7. Loshhic Ju. Ivanova G. *Na poljah zhitija* [In the fields of life]. Russkij rubezh: Po stranicam «Literaturnoj Rossii»: rasskazy, stihotvorenija, stat'i [Russian frontier: on pages "Literary Russia": stories, poems, articles]. Moscow, Hudozhestvennaja literature publ., 1991, pp. 102–115.